

Львица и другие боги

Оливер Майерс

Оливер вообще-то всегда гордился тем, что девчоночьи чары его не берут. Что он весь из себя такой неуязвимый и неприступный, какие бы глазки ему ни строили — потому что не до девчонок ему, ему сначала надо дорасти до величия (в первом проекте это был "великий спортсмен", потом он открыл в себе магию, и будущее головокружительное призвание сменилось на "великий маг"). Поэтому когда Оливера вдруг накрывает гнетущим ощущением, что его в четыре колеса переехал грузовик, и расплющил грудную клетку и сердце оттуда выдавил, и это сердце радостно упрыгало в чьи-то чужие руки, — он долго соображал, как его угораздило и откуда что взялось.

Благо, с девчонками он в монастыре взаимодействовал редко. Можно было мысленно пройтись по всем и понять, в чём, вернее, в ком же проблема.

Строго говоря, на "девчонку" Розмари не тянет. Во-первых, она постарше, она уже вполне себе девушка. Во-вторых, у неё и поведение-то не девчоночье. Спокойное, без визгов, без закатывания глаз, без нелепого хихиканья, которое почему-то считают кокетством. Но в том как раз и кроется её неоспоримая прелесть. А ещё, постоянно сталкиваясь с ней в коридоре жилого корпуса, Оливер узнаёт, что она умеет укладывать волосы в очень идущую ей причёску, похожую на львиную гриву. Жаль только, что она так редко это делает, но ей и другие причёски тоже идут. Словом, со всех сторон хороша, как ни посмотри. Надо действовать, пока на неё никто другой глаз не положил.

Сначала Оливер подумывает было совершить набег на местную оранжерею и как следует её ободрать, чтобы получился красивый букет. Но потом от этой идеи он с неудовольствием отказывается, подумав, что с его-то везением — наверняка как раз в этот же момент явится его наставница, застукает на горячем и будет за уши драть. Представать перед девушкой не только без букета, но ещё и с красными ободранными ушами — официально худшая идея как минимум месяца, даже рассматривать её нечего. Поэтому Оливер начинает искать альтернативы. И быстро их находит. Помимо оранжереи, есть ещё парк глициний, который, кажется, так бдительно не охраняют. Летом глицинии как раз в цвету, надёргать на букет — фигня вопрос. Вот только Оливер без понятия, как долго этот букет простоит. Поэтому действовать надо оперативно. Надёргав глициний и скрутив из них букет, Оливер сразу из парка прямой наводкой возвращается в жилой корпус и там стучится в дверь комнаты Розмари, мысленно прокручивая в голове речь, с которой он будет вручать девушке цветы. Нельзя же что попало брякать. Надо так, чтобы она поняла, что он всерьёз.

Розмари Лайонс

Розмари была ни сном, ни духом о том, как ее собираются осчастливить. Ее "не девчоночье" поведение отчасти происходило от того, что всех потенциальных кавалеров Розмари в таком ключе не рассматривала вовсе. Мысли британки были очень основательно заняты учебой и, в перспективе, выучиванием на мастера. Вот это была цель, к которой она собиралась идти, ломая по дороге лбом стены и все

прочее, что некстати на пути подвергается. Амуров и прочих романтик в этом плане не было. Вернее, они косвенно вошли в "прочее", которое пока что требовалось с дороги отметить с негодованием, как ненужный хлам. И уж тем более, в план никак не входил несовершеннолетний мальчишка, которого Розмари на свою голову умудрилась очаровать, не прикладывая к этому вообще никаких специальных усилий.

Строго-то говоря, она вообще как будто делала все четко наоборот. Со дня тех "птичьих похорон" Розмари разговаривала с Оливером ровно один раз. Тогда она еще раз отчитала его за птицу, и недвусмысленно дала понять, что большого доверия ему пока нет, и велела не приближаться к ее комнате и к ее попугаю, пока не станет понятно, что рецидивов не ожидается. Кто ж знал, что мальчишка воспримет это совсем не в том ключе — или что он там себе нафантазировал. Розмари пока продолжала пребывать в блаженном неведении. Но делать это ей оставалось недолго.

Сейчас был один из тех редких дней, когда Розмари можно было застать не в боевом и не в спортивном — она собиралась поработать над каллиграфией, попытаться продвинуться куда-нибудь и в этом направлении тоже. И гостей она откровенно не ждала, поэтому стук в дверь застал ее врасплох. Лавиния обычно заходила сразу без стука, это ведь и ее комната тоже, а остальные... Да не было остальных. Потому и догадок никаких тоже не было. Открыв дверь, Розмари обнаружила на пороге Оливера, а потом уперлась взглядом в пушистый букет глициний у него в руках. Два и два британка сложила мгновенно. Строго потребовала: — Не выдумывай, — и захлопнула дверь так же проворно, как перед этим ее открыла.

Вот только интрижек и проблем с несовершеннолетним учеником ей и не хватало, ага, конечно.

Ирина Рейн

Ирина вообще никак не планировала нарваться на эпизод мексиканского сериала, когда преспокойно себе топала с тренировки. Ну и что, что у них тут Тибет. Страсти разворачивались вполне себе мексиканские, вопреки географии.

Вообще, у Ирины и тренировка вышла какая-то такая себе, черт знает на сто похожая. Рыжая честно планировала устроить себе интенсивную пробежку на выносливость и наматывать круги по площадке, пока бобик не сдохнет, а потом еще чуть-чуть, для расширения границ. Но за ней следом увязалась Эва, заверившая, что ей тоже очень-очень надо. Надо ей было, как выяснилось, пожаловаться на жизнь свою жестянку. В частности, на какого-то парня, который только недавно приехал, а уже страшно ей чем-то насолил. Подробностей Ирина сперва не уловила, а потом уже и улавливать не хотела. Выдыхалась Эва быстро, но на каждом кругу стабильно подлавливала Ирину и немножко бежала рядом, на ходу ругаясь и только что не плюясь. Вроде бы и по чуть-чуть — но когда таким "чуть-чуть" постоянно долбят в черепушку, взвыть хочется быстро. Ирина никогда долгим терпением не отличалась, так что она взвыла. И отговорилась усталостью, и ретировалась с площадки, оставив Эву там еще симулировать бег, и по дороге обратно в корпус просто наслаждалась тишиной.

А в корпусе неожиданно обнаружился мальчишка с букетом в руках. Которому, как

успела краем глаза уловить рыжая, только что кто-то в лицо хлопнул дверью. И смешно, и жалко - картинка была забавной, но и в роли того, кому в лицо закрывают дверь Ирина была, а потому понимала и могла посочувствовать. Жалостливое понимание перевесило. Ирина сочувственно спросила: - Что, не клюет красавица? - а сама спешно пыталась сообразить, кто сейчас среди учеников есть из девчонок помельче, к кому бы этот мальчишка мог бы заявиться с ухаживаниями. Так это... никого вроде не было?

Оливер Майерс

Хотя чисто теоретически наихудшее развитие событий, конечно, возможно — Оливер отказывается в него верить. Категорически. Наотрез. Нет уж, с ним такого не будет, он же не неудачник какой-нибудь, чтобы его сразу же с порога взяли за шиворот и спустили с метафорической лестницы.

Но именно это и происходит. Наихудшее. Оливер огребаёт ровно его, и не сказать ведь даже, что в какой-то особенно цветистой, богатой форме. Розмари оказывается лаконична до скупости: ей на всё про всё хватает двух слов и двух движений. И даже взглядов Оливеру, кажется, достаётся всего штуки полторы.

Это нечестно, что даже при таком повороте дела у него от восхитительной скальпельной точности Розмари только сильнее скребёт за рёбрами. Это попросту нечестно.

Оливер вздыхает и переступает с ноги на ногу, решая, как быть дальше. Вариант, что можно уйти, он не рассматривает сразу. Отчасти ему хочется ломать дверь упрямым лбом, пока не выломает, хоть до кровавых искр перед глазами — впрочем, такие крайности вряд ли понадобятся, двери здесь отнюдь не колоссальные, а даже напротив, вполне себе хлипкие, — и лишь какая-то, более нежная и романтическая частица согласна обвиться рёбрами вокруг дверного косяка, как лоза, и подождать, пока прекрасная львица сменит гнев на милость.

Но в присутствии посторонних, да ещё таких непрощенно деятельных, эта терпеливая нежность умирает тут же.

Услышав голос за спиной, Оливер кратко закатывает глаза — ни минуты покоя, никакой личной жизни! — и оборачивается, чтобы шугнуть незваного зрителя. Вернее, зрительницу. Оливеру сразу же бросаются в глаза её яркие волосы — что, опять? ещё рыжая? да сколько уже можно? Это только сильнее раздражает. И пока девица разглядывает его, Оливер взглядом перемалывает её в труху.

— Не твоё дело, — наконец неприязненно говорит он. И отворачивается, и стучит в дверь ещё раз, энергичнее прежнего.

Должна же Розмари дать ему хоть что-нибудь сказать. У осуждённого, и то право на последнее слово есть. А Оливеру тут хоть с первым как-нибудь бы влезть.

Розмари Лайонс

Розмари казалось, она в своих действиях была прямолинейна и максимально доходчива. Что можно было неправильно истолковать в закрытой двери? Это же вполне очевидный знак, такой же, как, к примеру, амбарный замок или закрытый шлагбаум. Даже намеком это было не назвать. Но мыслительный процесс Оливера, судя по всему, простые пути игнорировал и ходил исключительно путями окольными, чтобы проигнорировать напрашивающиеся выводы и прийти к выводам абсолютно левым, не подходящим к делу.

Ну, наверное, это было самым простым и логичным объяснением тому, что, получив прямой отказ, Оливер уже через какую-то минуту забарабанил в дверь по новой. Потому что Розмари искренне не понимала, что в ее словах и действиях было ему непонятно. Она попыталась было абстрагироваться от стука в дверь, но быстро поняла, что эта тактика у нее не пройдет. Оливер долбил с настойчивостью дятла, без пауз и не сбавляя темпа. С таким звуковым сопровождением было не до каллиграфии. Сосредоточиться на линиях, может, и получилось бы, но у Розмари не было ни малейшего желания на ровном месте преодолевать лишние сложности. Очевидных вариантов на выбор было два: прогнать настойчивого поклонника или ретироваться из комнаты самой. Розмари предпочла начать с первого варианта.

— Так, — сказала она, открывая дверь еще раз. И постаралась быть более конкретной. Указала на букет, коротко сказала: — Это — нет, — а потом точно так же, с бесцеремонной прямоотой ткнула самого Оливера пальцем в лоб и добавила: — Это — тоже нет. Прекращай. — В такой форме, на взгляд Розмари, уж все-таки должно было дойти, поэтому она с чистой совестью закрыла дверь снова. Если Оливер и после этого не пожелает понять, что его подкатам здесь не рады, то на этом полномочия Розмари по объяснениям словами через рот кончались. Четче было уже некуда.

Ирина Рейн

Сочувствие Ирины парнишка не оценил. Более того, его, кажется, это сочувствие вообще взбесило. Взгляд, которым он одарил Ирину, по силе недалеко ушел от камнедробилки. Какой-нибудь опытный маг, специализирующийся на тягании предметов глазами, мог бы любопытное рыжее рыло, влезшее не вовремя, таким взглядом реально мог бы смачно отхлестать, наверное. Но паренек явно был не из таких. Его взглядом Ирину даже не пощекотало.

- Ну, не мое так не мое, - покладисто согласилась рыжая. Скрестила руки на груди, удобнее оперлась плечом на стенку и принялась наблюдать за тем, как парнишка снова долбит в дверь. Он имел полное право не обсуждать с Ириной то, чем он тут занимается, и не принимать от нее советов, но уж выгнать ее как зрителя он не мог никак, не было у него таких полномочий. Побывать зрителем Ирина желала, даже очень. Ей было интересно, из-за кого весь этот сыр-бор и чем оно все закончится.

Но, когда из комнаты показалась прекрасная принцесса - совсем ненадолго, на две короткие реплики, и тут же скрылась обратно, - Ирина не удержалась и неприлично взоржалась. Сперва от неожиданности, потому что никак не ожидала увидеть в этом амплу суровую Розмари, а потом, представив себе, какой потрясающий потенциал есть у этой лавстори, расхохоталась еще громче прежнего. В смысле, никакого потенциала же. Еще к гусенице от танка можно было с букетами подкатывать, эффект был бы примерно такой же. Отсутствующий. Ирина вот прямо наблюдала, как этот отсутствующий эффект разворачивается во всю ширь у нее на глазах.

- Ну ты и выбрал! - почти что всхрюкнула Ирина, никак не в силах перестать ржать. И смешливо предложила: - Можешь теперь этот букетик еще к Бо-джи стаскать. Сравнить ускорение, которое получишь от пинка. - Нет, серьезно. Нашел кого выбрать. Может, конечно, Ирина что пропустила, но она о Розмари помнила в основном то, что британка была тугая и плохо с насиженной точки зрения сдвигалась. Такую, конечно, только букетиками и стоило очаровывать, особенно если она сама очаровываться не хочет вообще.

Оливер Майерс

Оливер редко оказывается в ситуациях, когда его самооценку громят и натурально уничтожают, топчут коваными сапогами и ноги вытирают об ошметки, — но сейчас это она и есть. Как раз такая ситуация. Две девушки унижают его старательно и беспощадно: одна отвергает, вторая над этим нагло ржёт.

Ладно. Допустим, Розмари можно. Ей Оливер готов простить многое, потому что её поступки в его глазах безнадежно перемазаны в романтическом розовом сиропе, и сейчас в её неприступности даже получается найти своеобразное очарование. Конечно, она же львица, а не какая-нибудь бесполезная собачонка, она не может так просто взять и побежать за первым, кто пальцем поманил. Её надо завоёвывать, это ощущается логичным и правильным.

А вот у этой, рыжей — что? За какие заслуги на её оголтелый ржач надо смотреть снисходительно и терпеть?

Правильно. Ни за какие.

— По вопросам ускорения можешь смотаться сама, если тебе так интересно, — неприязненно огрызается Оливер. — Я с тобой даже букетом поделюсь. Две веточки дам. Чтоб ты обратно быстрее летела. — В теории, он, наверное, может как следует сосредоточиться, взять себя в руки и игнорировать надсадный хохот за левым плечом. Вот только не хочет совершенно. Почему он должен делать вид, что ничего не происходит, когда оно очевидно *происходит*? Когда эта рыжая, во-первых, нанесла такому важному моменту удар в спину, а во-вторых, до сих пор продолжает делать хуже, превращая всё происходящее в сцену из дешёвого сериала с закадровым смехом. Она даже думать мешает — а Оливеру бы как раз взять паузу, обдумать свой следующий шаг, раз все предыдущие, очевидно, оказались, бесполезными и неудачными. Назойливый смех лезет голову, забивает собой всё, как крапива, не даёт ни секунды покоя. И Оливер, не выдержав этого, быстро взрывается: — О, не пошла б ты уже отсюда к дьяволу?

Розмари Лайонс

Розмари захлопнула дверь в надежде на то, что после этого наконец-то наступят вожаделенные покой и тишина — но даже начать прислушиваться, чтобы понять, так ли это, не успела. Тут и прислушиваться было нечего. Сразу становилось понятно: не так. Концерт продолжался, только теперь совершенно без участия самой Розмари. В коридоре хохотали и ругались и, кажется, совершенно не планировали прекращать.

Под такой аккомпанемент только и заниматься, конечно.

Розмари понадеялась, что это временно и очень краткосрочно. В конце концов, над чем можно долго и громко хохотать в пустом коридоре? Особенно если сама британка не будет то и дело выскакивать из комнаты, как ополоумевшая кукушка из часов, давая представлению повод выйти на новый и новый виток. Да, наверное, стоило так и поступить: подождать, пока цирк за дверью рассосется сам. Тем более, что стучать Оливер перестал. Значит, возможно, до него дошло, и тогда тем более нужно было позволить ему просто успокоиться и уйти.

— *Ветерrrrr воеет, море злится! Мы, корrrrrсары, не сдаем!* — невпопад сообщил из

клетки Ричи. Как будто всего, что уже произошло, было недостаточно, он заметался по клетке, растревоженно заорал, видимо, возбужденный громкими звуками снаружи. Розмари вздохнула, подумала, что такие корсары ей вообще не сдались, пусть идут своим курсом куда-нибудь мимо, и накинула на клетку платок. На ее взгляд, шума и так было достаточно. Не хватало еще, чтобы Ричи своим вмешательством превратил все это в какофонию.

Ирина Рейн

Предложение сгонять к Бо-джи с экспериментами мальчишку ожидаемо не вдохновило. Более того, он предложил Ирине смотаться самой - ну то есть, фактически послал, вот только не на три буквы разве что. Но Ирина в ответ только смешливо всхрюкнула неделикатнее прежнего. Угрозы от подростка, которому она, по ощущениям, могла одной левой все уши пооборвать, воспринимать получалось из рук вон плохо. Конечно, внешность порой бывала обманчива, и под личиной пятнадцатилетнего мальчишки вполне могла быть скрыта какая-нибудь яростная и неукротимая мясорубка - но с другой стороны, Ирина тоже была своего рода мясорубкой, поэтому здесь примерно то на то и выходило. Особо опасаться было нечего.

А потом мальчишка послал ее даже не завуалированно, а вполне себе прямо, и Ирина обиделась. Она вообще-то к нему посочувствовать подошла! Из лучших побуждений, можно сказать! А он только хамит и хамит в ответ, борзая мелочь!

Правда, технически, Ирина первая начала над ним ржать. С другой стороны - опять же технически, он первый начал вонять в ответ на сочувствие. Так что нет, все здесь было правильно.

- Куда-куда мне сходить? - уточнила Ирина с ласковостью винтовки, у которой передергивают затвор. И шагнула ближе к мальчишке, и уже с отчетливым наездом предложила: - А ты попробуй меня проводить.

А то ишь. Взялся раскидываться посылами в места отдаленные. Как будто у него для этого хоть какой-то вес есть.

Оливер Майерс

Да откуда же она только взялась такая на его голову.

Оливера довольно быстро начинает злить примерно всё. И закрытая дверь, в которую он долбитя то ли как дурак, то ли как жутковатый сталкер, и высмеивающая его рыжая девушка, и то, что свалить она никак не желает. Причём последнее бесит особенно. Ох, если бы она только наконец отсюда исчезла! Ушла своими ногами, вылетела в окно, провалилась под пол, вылетела в окно — неважно, хоть как-нибудь. В голове Оливера это мгновенно решает все проблемы, и разговор с Розмари немедленно обретает все шансы пойти по-другому, если только убрать эту рыжую гиену, гогочущую на заднем фоне.

Да только как её уберёшь, если она только бросается качать права в ответ.

— Сама дойдёшь. Судя по тебе, дорогу ты знаешь хорошо, — возражает Оливер с холодной ненавистью. Хотя какой уж там холодной — клопочущей. Он уже наслышан краем уха о ментальных магах — вот хорошего ментального мага бы сюда. Чтобы он прописал этой рыжей парочку хороших ментальных оплеух и наконец заставил её уйти. Хоть самому учись. Но это всё мелькает у Оливера где-то в подкорке — а на первый план, булькая и клопоча, всё вернее выступает ярость. И Оливер, что уж там скрывать, чертовски плохо давит её в себе.

Обычно у него нет проблем с тем, чтобы контролировать свой огонь и удерживать его внутри. Но тут пламя отзывается даже слишком хорошо, бурлит и начинает выплёскиваться через край. И если сам Оливер огнеупорный, то цветы у него в руках — вовсе нет.

Глицинии вспыхивают почти как сухой хворост. Ожогов Оливер не чувствует — но, осознав, что только что произошло (это были цветы для Розмари! нельзя было так бездарно их потерять!), с криком смертельно раненой чайки тычет горящий букет как раз нависшей над ним рыжей девице в лицо: — Смотри, что ты натворила!

Розмари Лайонс

Медитации Розмари никогда не удавались — честно говоря, она в них и не разбиралась, и нужды в них никакой и никогда не видела. А теперь вот жалела. Возможно, научись она отбрасывать окружающую суету и уходить мыслями в глубокий дзен, ей сейчас было бы проще. Она бы вот так внутренне напряглась и перестала обращать внимание на шум за дверью, и стало бы ей с собой наедине абсолютно чудесно. Потому что пока в коридоре не затихали. Даже, кажется, наоборот, переходили в следующую стадию и начинали ругаться.

Плохо было не столько то, что орали, сколько то, что, по всем признакам, останавливаться не планировали. Какой-нибудь короткий скандал у себя под дверью, после которого все спокойненько разошлись бы по своим комнатам, Розмари бы пережила абсолютно спокойно. Но за дверью, судя по всему, расходиться не планировали, а только обороты набирали и на новый виток выходили, и сколько там еще было тех витков впереди — неизвестно. Розмари еще чуть-чуть посидела, прислушиваясь к тому, как смех и разговоры на повышенных тонах переходят в крики, и решила, что ей такой аккомпанемент категорически не нравился. Что надо или крикунов выгонять, или самой куда-нибудь уходить — второй вариант ощущался как позорное бегство, поэтому британка рассматривала его сильно во вторую очередь.

— Идите куда-нибудь в другое место собачиться! — с вызовом предъявила она, в очередной раз распахивая дверь и уже натурально начиная ощущать себя спятившей кукушкой. В коридоре уже все полыхало, причем совсем не фигурально; уткнувшись взглядом в горящие ветки у Оливера в руках и немедленно связав огонь с самим Оливером, Розмари не придумала ничего лучше, чем хлопнуть мальчишку по рукам и потребовать: — Прекрати! Убери это!

Ирина Рейн

Наезжая на мальчишку и нависая над ним со всей высоты своего нескромного, неженственного роста, Ирина, чего уж там, совсем не рассчитывала, что парнишка в ответ подожмет хвост, заплачет и победит жаловаться маме - ну, или кто тут у него вместо мамы. Вот в наклоне лба и в том, как он этим лбом упрямо долбил к Розмари в дверь, можно было, даже не будучи выдающимся чтецом по лицам, с легкостью прочесть: такие шкеты не бегают, они планомерно выгрызают окружающим мозг на разные лады. Так что Ирине в этом случае было скорее интересно: он продолжит хамить, нарываясь на оплеухи, или сам первый на те оплеухи и сорвется? Сугубо практический эксперимент. В то, что ее могут прямо тут, не сходя с места, отделать, как бог черепаху, Ирина все так же слабо верила. Вот от

Розмари еще, пожалуй, можно было бы огрести при неудачном раскладе, и то, там все равно с берега не понятно, чьё кунг-фу возьмет. Но от мальчишки? Однозначно нет.

Поэтому Ирина совсем проморгала вероятность получить глициниями по роже. В ее представлении, хлестать цветочным веником по лицу - это было что-то из разряда очень девчачьих, беспомощных драк. От мальчишки она такого не ожидала. Но здесь в ее рассуждениях не хватало очень важного множителя. Мальчишка, как быстро выяснилось, баловался огнем. И с таким дополнением букет у него в руках быстро превратился в факел, и вот этим уже вполне можно было орудовать всерьез. Среагировав на движение руки, начавшееся чуть ли не от бедра, Ирина успела отшатнуться - но жаром ей все равно опасно лизнуло лицо и едва не слизнула брови. От обычного огня она, конечно, едва почесалась бы, но тут огонь был чужой, контролируемый волей парнишки и оттого особенно злой. В момент накрутив себя, Ирина возопила: - Сдурел? А если я сдачу дам? - и тут же, не откладывая, то и провернула, только без всяких магических фокусов. Ирина по-простому коротко размахнулась, чтобы закатить мальчишке воспитательную оплеуху. Да и хватит с него на первый раз.

Оливер Майерс

На рыжую девушку Оливер смотрит уже натурально как на врага человечества. Ему искренне кажется, что у неё духи быть должны с отчётливыми нотами серы. И что явилась она в монастырь прямиком из адского пламени, чтобы мучить всех, до кого доберётся, — а если эта теория верна, то огонь ей и её наглому лицу особенно не повредит, переживать нечего.

И ей действительно ведь не вредит.

Крики "а вот если я" взведённого Оливера не впечатляют нисколько. Напротив, он сам озлобленно выкрикивает а ответ: — Ну так давай! Вот и рожа, съезди! — и даже в запале готов сам бодать лбом чужой кулак. Но, как назло, именно в этот момент дверь снова открывается, и Оливер оказывается перед Розмари во всей своей очень некрасивой, отвратительной злости.

Его это сбивает. Почву выдирает из-под ног — нет-нет, он не хотел, чтобы она такое видела, чтобы она его таким запомнила! Оливер сглатывает, судорожно пытаясь придумать своему поведению вменяемое объяснение, приличное, а не просто злобное "бесит". Но Розмари, видимо, очень быстро и правдоподобно объясняет себе всё сама — и вдруг бьёт Оливера по рукам, едва не заставляя выронить догорающие глицинии.

Получить от неё такой удар особенно обидно и больно. Оливер застывает, глядя на Розмари с болезненным непониманием — да его-то за что, ну видно же должно быть, что это к нему прицепились, а не он! — и в этот момент ему прилетает с другой стороны.

Рыжая бьёт хлётко, с силой, явно знает в этом толк. Оливеру щёку обжигает, почти режет болью, и голова от удара мотыляется так, что он едва не цепляет виском дверной косяк. Это всё как в каком-то невыносимом дурном сне — хотя нет, даже в дурном сне так паршиво не было бы.

— Да что я вам, блин, обеим сделал? — выкрикивает Оливер, весь звеня от обиды и негодования. Оборачивается к Розмари, требует ответа уже от неё: — Что я тебе сделал? — и догорающие глицинии он с размаху, с горечью швыряет ей под ноги.

Хорошо бы и сердце вырвать и туда же швырнуть, с ошмётками рёбер, чтобы поняла, что творит, как топчет его сейчас. Но такой трюк Оливеру не по силам — да и вряд ли кто из живых людей такое может.

Розмари Лайонс

Просьба занести в протокол: Розмари никоим образом не пыталась изничтожить, растоптать, унижить и далее по списку. Ей казалось, что она видит проблему и поступает самым простым и прямолинейным способом для того, чтобы ее убрать. И проблемой она всю дорогу воспринимала Оливера, его поведение и его попытки проявить совершенно неуместные чувства. И потому Розмари даже не пыталась посмотреть на ситуацию под другим углом, машинально воспринимая ее со всей доступной однобокостью. Вот и когда она треснула Оливера по рукам, цепочка у нее в мозгу была прямая и совершенно однозначная: он здесь, похоже, огненный маг — он зачем-то решил превратить букет в факел, чтобы то ли с рыжей Ириной вступить в драку, то ли саму Розмари выкурить из комнаты — в любом случае, надо было это прекращать.

Это потом она поймала взгляд Оливера, странно, неожиданно уязвимый, и заволновалась. Это... не вписывалось в картину, которую Розмари себе уже придумала. Она что-то не поняла? Что-то упустила, зря назначила мальчишку во всем виноватым и за все в ответе? И, пока она торопливо соображала, Оливеру уже прилетело по лицу от Ирины, и Розмари тут же захотелось с размаху хлопнуть себя по медленно соображающей голове. Ну конечно. Как можно было просто взять и списать со счетов Ирину? Если уж она к мастерам лезла с желанием подраться, то уж с Оливером точно могла сцепиться запросто, не ощущая для себя никакой угрозы. Как раз примерно в эти мгновения Оливер высказал свою обиду вслух, потребовал от Розмари объяснить, что он такого сделал, — и британка, всё-таки дрогнув непутевым девичьим сердцем, бросилась на защиту.

— Прекрати лупить молодняк! Найди себе кого-нибудь в своей весовой категории! — жестко сказала она, заслоня собой Оливера. И на всякий случай напряглась и впиалась в Ирину взглядом, готовая уворачиваться или отбиваться, на случай, если Ирина вдруг объявит, что Розмари как раз и есть та самая весовая категория, и решит следующие оплеухи перенести на нее. Оливер, в глазах Розмари, такого обращения всё-таки не заслуживал. Да, он был не вовремя настойчив и неугомонен, чем раздражал. Но — бить за это? Нехорошее излишество.

Ирина Рейн

Быть может, Ирина была бездушной, и черствой, и всякое такое - но сейчас она себя неправой не считала, даже после того, как ее оплеуха достигла цели, и мальчишку всего замотыляло. Во-первых, на взгляд Ирины, он нарывался. И делал это довольно качественно, и вообще она довольно долго проявляла ангельское почти терпение, кто другой здесь мог бы треснуть пацана гораздо быстрее, еще на стадии замаха букетным факелом. И во-вторых, после воплей про "ну давай, съезди мне по лицу" Ирина и вовсе могла на голубом глазу утверждать, что это пацан сам бросился челюстью на ее кулак, и то, как сильно он об нее в этом припадке долбанулся - не ее проблема.

Проблема была в Розмари, которая с неожиданной феерической ловкостью переобулась на лету. Ирина даже не ждала, что эта вобла белесая так умеет - а вот

поди ж ты, уже все диванные боевые соединения чётенько перестроились, и фигуральные пушки направлены совсем в другую сторону. Ирине в лицо примерно. - Не поняла. Ты че, меня крайней сделать пытаешься? - возмутилась Ирина. И сама в ответ поперла грудью на Розмари: - Обалдела? Да как будто не ты сама чуть его лицо чуть по двери не размазала! Почему я теперь внезапно виновата в том, что этот мелкий дятел нас обоих задолбал? Да он мне, между прочим, чуть лицо не сжег! И я после этого еще и крайняя? Щас! - Рыжая громко негодовала, не скрываясь, наплевав на то, как далеко ее негодование долетит и кто выскочит в коридор на звуки разборок. А кто бы ни выскочил. Мастера жили в другом корпусе, а учеников Ирина не боялась, она сама преотлично могла многим разные интересные места натянуть на другие, не менее интересные места. Давно в Линь Ян Шо все-таки жила и не все клювом щелкала, кое-чему да научилась.

Оливер Майерс

Мир делает обратное сальто так резко, что даже в глазах рябит.

Ещё секунду назад Оливер переживал худшее унижение в своей жизни — ему искренне казалось, что хуже не было никогда, что так глубоко на дно его ещё не погружали. И ему хотелось только как-нибудь найти в себе силы, чтобы перестать лезть туда, где ему агрессивно не рады, отодрать себя от пола, к которому тяжело прилипали словно налившиеся свинцом ноги. А потом всё вдруг изменилось, как по мановению волшебной палочки. И вот уже Розмари не нападает на Оливера, объединившись с рыжей мегерой, а как будто наоборот, как будто сама готова объединиться с Оливером против рыжей, защищает его.

Это... сладко. Боже, как же сладко. Слово в груди расцветает мучительно яркий алый цветок, распирает рёбра изнутри, заполняет собой всю грудную клетку, но это приятно как ничто другое. И вот уже Оливер, воспрянувший и воодушевлённый, готов снова броситься в конфликт. Заступаться за Розмари, как она заступает за него.

— А кто иначе здесь крайний? Чего ты вообще влезла не в своё дело? — запальчиво выкрикивает Оливер и снова суётся вперёд. Он уже даже не чувствует, как ноет от удара щека, — и, в общем-то, даже готов получить по лицу ещё пару раз. При условии, что все оплеухи от рыжей так на его лице и осядут, что Розмари она не коснётся. — Катись отсюда, мы без тебя разберёмся!

Он не уверен, что в случае драки сможет сцепиться с рыжей на равных — больно уж опытная рука чувствуется в том, как она бьёт, да и тревожный колокольчик интуиции у виска не умолкает, тоже подсказывает, что в случае серьёзной стычки рыжая Оливера выпотрошит, а то, что останется, узлом завяжет. Но зато уж точно он осилит вцепиться в рыжую, повиснуть на ней и максимально путаться под ногами, чтобы добираться до Розмари пришлось через его труп. На это Оливер готов пойти.

Розмари Лайонс

Розмари терпеть не могла находиться в неконтролируемом состоянии хаоса — а сейчас именно туда все и скатывалось, именно к этому ее и толкали Оливер с Ириной. Причем вряд ли из каких-то дурных побуждений. Просто оно у них так получалось. Два огненных мага со скверным характером — естественно, при соударении начинали лететь искры, а дело пахло пожаром. Вот только Розмари совсем не улыбалось, чтобы этот пожар разгорелся прямо у нее под дверью. Ей надо было эту буйную парочку или как-то успокоить, или куда-то выгнать. И пока

еще Розмари возлагала надежды на то, что у нее как-нибудь выгорит первый вариант.

— Не лезь скандалить, — недовольно сказала она и потянула Оливера за плечо, пытаясь заставить мальчишку не выскакивать вперед и не бросаться на Ирину грудью. Спорщиков надо было постараться максимально развести по углам. Пока они будут сшибаться лбами и высекать друг из друга искры, ничего не кончится, ор и драка продолжатся. Проконтролировать Оливера в этом плане было проще чем Ирину, в силу целого ряда обстоятельств. Поэтому Розмари еще раз, уже жестче дернула паренька за плечо, стараясь задвинуть его себе за спину, и велела строже прежнего: — Прекрати. Не то выпорю.

С Ириной было сложнее, она себя накручивала за считанные мгновения и легко переходила на ор. Розмари вскинула руки, демонстративно прикрывая уши ладонями, чтобы переждать громкое возмущение Ирины. И, кое-как вклинившись в худо-бедно подходящую паузу, возразила: — Но не сжег же. "Чуть" не считается. И вообще, пока у всех более-менее целые лица, давайте притормозим и разойдемся. Он мою дверь околачивает, вот я с ним и разберусь. Сама, уж спасибо. Ты ведь не против, чтобы я с тобой разобралась? — уточнила Розмари, оглядываясь на Оливера. И как могла просигнализировала бровями: соглашайся, мол, а то хуже будет. Если за себя британка еще отвечала, то за рыжую — вообще нет.

Ирина Рейн

Ирина по-прежнему упускала, в какой момент произошел тот восхитительный в своей бесстыжности финт ушами, из-за которого крайней в ситуации резко стала рыжая. Но ей так-то этого понимания и не требовалось, это мелкие детали, особенно если дело всё-таки дойдёт до потасовки.

А оно к ней как будто как раз и двигалось.

- Я тебе сейчас еще раз втащу, - предупредила Ирина неугомонного паренька. Он все лез на нее башкой так, будто вообще страха не имел. Или мозгов в глупой башке - вот второе вероятнее, потому его, похоже, и оплеухи не брали, и лупить требовалось по каким-нибудь другим местам, чтобы дошло. У Ирины, впрочем, не было никакого желания заниматься экспериментами и выяснять, где там волшебные точки, которыми можно чего-то там включать или отключать. Да еще к тому же, рыжая подозревала, что под взглядом прекрасной дамы у мальчишки начинает на полную катушку работать пламенный мотор в жопе, и там вообще любым способом обрабатывать бесполезно. Только с самой дамой переговоры и вести.

- Еще как считается. Сегодня мы его не научим огненные лапы держать при себе, а завтра он таки кого-нибудь обожжет, не такого проворного и огнеупорного, как я, - настойчиво возразила Ирина. И удивленно крякнула: обещание Розмари разобраться самой в совокупности с тем, как она полминуты назад угрожала пацану поркой, звучало крайне двусмысленно. Не без труда снова обретя голос, Ирина предупредила: - Слышь, ты с такими разборками осторожнее. За всякое садо-мазо с участием малолеток тебя по головке не погладят.

Или как ей, блин, все эти рассказы надо было воспринимать?

Оливер Майерс

Угроза от рыжей Оливера несколько не пугает. Сейчас, когда он чувствует, что Розмари больше его не гонит, а наоборот, временно занимает его сторону, он

натурально готов хоть к дракону в пасть лезть, если девушка это одобрит. А что до обещания "втащить"... Ну, вот рыжая уже втащила ему один раз. И что? Даже зубы все на месте. Поболело и прошло — во всяком случае, сейчас взведённый Оливер уже никакой боли не чувствует. Поэтому в ответ на угрозу он только неприязненно скалится да вонзает в рыжую злобный взгляд. Пускай машет руками, это ничего. Челюсть — кость терпеливая, она как-нибудь выдержит.

Потом Розмари вдруг говорит, что она "сама им займётся", и у Оливера что-то сладко сводит в груди, и спазм кажется таким сильным, что можно прямо сейчас упасть к ногам девушки обессиленной влюблённой тряпкой.

Оливер, конечно, понятия не имеет, что Розмари на самом деле имеет в виду. Но ему уже и не надо. Он уже начинает домысливать себе что-то захватывающе-чарующее, и даже если это неправильно, Оливер предпочитает заблуждаться. Тем более, что пока это как будто и к лучшему. Если на этом можно договориться и поставить точку в назревающей драке... ну, ладно. Оливеру совсем не хочется, чтобы Розмари каким бы то ни было образом, прямо или косвенно, пусть даже случайно, пострадала в драке.

— Я согласен. Разбирайся со мной как считаешь нужным, — горячо говорит он. И смотрит на Розмари преданными глазами, и правда готов поступить в её полное распоряжение. Даже если девушка возжелает оттащить его за уши и это будет единственное, чего Оливер от неё дожждётся, — что ж, это всё ещё лучше, чем новая порция оплеух от рыжей. Глупо возражать.

Розмари Лайонс

— Не надо никому втаскивать. Мы не на тренировке. Если так руки чешутся — сходи на тренировочную площадку, постучи по макиваре, — терпеливо сказала Розмари и еще раз задвинула себе за спину попытавшегося полезть вперёд Оливера. У нее в голове уже сложилась простая, конкретная установка: не допустить драки. Иначе, когда мастера потом придут эту драку распутывать, они не будут особенно разбираться, что, как и почему здесь завертелось и какие у британки были уважительные причины для того, чтобы просто стоять и смотреть. В понимании Розмари, ей бы влетело вместе с драчунами, потому что в этом случае бездействие вполне себе приравнивалось к соучастию. Поэтому сейчас, защищая Оливера и оттесняя его от Ирины, она в каком-то смысле защищала и себя тоже.

Намеки Ирины на то, что ее за что-то там потенциально припечатают выговором, а то и не только выговором, Розмари откровенно не поняла. В некоторых случаях у нее начисто отказывалось работать воображение, упираясь как в глухую стену — вот и сейчас произошло ровно то же самое. Британка слегка поразмыслила над тем, что сказала рыжая, и в итоге с абсолютно чистой совестью ничего из ее высказываний не поняла, да на том от них мысленно и отмахнулась.

— Я осторожно. Спасибо, что беспокоишься, — вежливо-нейтрально сказала она. Затем сгребла не сопротивляющегося Оливера за плечи и буквально запихнула его в свою комнату. План был прост, как веник: с глазу на глаз как можно доступнее донести мальчику, что нечего ошиваться у нее под окнами с ухаживаниями, бессмысленными по определению, которые все равно ни к какому результату не приведут, а заодно постараться что-нибудь сделать с его лицом, на котором уже

расцветал след от оплеухи. Иначе с таким знатным фингалом на лице мастера его быстро срисуют — а дальше уже зависит от конкретных мастеров, насколько глубоко они будут в причинах этого фингала разбираться. Играть в такую рулетку Розмари как-то не очень хотелось.

Ирина Рейн

- Еще б ты был на такие смачные перспективы не согласен. Слюни-то подбери, - едко сказала Ирина. Лицо к мальчишки как-то вмиг стало мечтательно-размазанным и идиотским, и по этому лицу было несложно догадаться, чего он там себе фантазирует. Какие-нибудь воздыхания наедине. Тут даже великим детективом быть не надо было, чтобы к такому выводу прийти. Дальше оставалось только домысливать его в силу своей испорченности. Ирина, как человек, испорченный довольно знатно, домысливала смачно. Так, что самой хотелось протестующе орать и бежать звонить в первый попавшийся колокол, призывая мастеров немедленно явиться и навести порядок. Ханжой рыжая не была и пуританкой тоже, у нее у самой числилось за спиной некоторое количество крайне сомнительных подвигов и неподвигов - но тут-то уж был совсем перебор, тут у пацана даже возраст согласия еще явно не натикал.

Хотя стоило признать: конкретно сейчас мальчишка себе явно ничего неприличного не представлял. По блаженно просветленной роже было видно. Но это сейчас, а до чего он дойдёт в итоге, это пес его знает. И Розмари, которая сыпала откровенно двусмысленными выражениями, как-то совсем эту кривую дорожку не выпрямляла.

- Короче, так. Я вас не видела и вообще я вас не знаю! Варитесь там сами в этих своих сложных отношениях как хотите! - заявила Ирина, быстро решив, что быть в этой компании третьей крайней она не хочет ни в каком виде и ни под каким предлогом. Розмари к этому моменту уже успешно упаковала мальчишку к себе в комнату. Ирина покрутила британке вслед пальцем у виска и двинулась прочь - тоже в свою комнату, подальше от всяких психованных мелких кавалеров и их странных прекрасных дам. Знать, чем эта история кончится, и она, пожалуй, не хотела. Так спокойнее.
